

МОВАЗНАЎСТВА

УДК 811.161.1'81'373.611+811.161.3'81'373.611

И. В. ЕЛЫНЦЕВА

ПОСТФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси

(Поступила в редакцию 08.10.2013)

Одним из основных словообразовательных процессов в близкородственных русском и белорусском языках является аффиксация. В научной литературе традиционно выделяется три вида аффиксального образования: 1) суффиксальное, 2) префиксальное и 3) префиксально-суффиксальное словообразование. Разновидностью суффиксального способа является постфиксальный, суть которого заключается в присоединении к мотивирующей основе постфикса (от лат. *post* – после и *fixus* – прикрепленный). Термин «постфикс» имеет два значения: 1) любой аффикс, стоящий после корня; 2) аффикс, стоящий после флексии и противопоставленный по этому признаку суффиксу [1, с. 124]. В современном языкознании по сложившейся традиции постфиксы нередко называют *суффиксами*, иногда – *прилепами* (например, любой аффикс, стоящий в слове или словоформе после корня) [2, с. 59], *агглютинативными суффиксами*, которые размещаются после окончаний, но при этом входят в состав одного слова и выражают как его грамматическое, так и словообразовательное значение [3, с. 313].

Постфиксальные морфемы выделены в особый вид аффиксов недавно, раньше их рассматривали в составе частиц и суффиксов. Исследователями уже отмечены некоторые особенности постфиксов: 1) постфикс присоединяется не к основе, а к целому слову; 2) при постфиксации частеречная принадлежность не меняется. Таким образом, данные признаки сближают постфикс скорее с приставкой, чем с суффиксом.

Статья посвящена вопросу постфиксального образования русских и белорусских наречий в сопоставительном плане. Несмотря на достаточно высокую степень изученности указанного разряда слов обоих близкородственных языков (об этом свидетельствует значительное количество специальных работ, посвященных данной проблеме), такого рода исследование словообразования наречий в отечественной лингвистике до этого времени не проводилось. Между тем сравнительный анализ словообразования отмеченных русских и белорусских единиц имеет немаловажное значение для установления и характеристики специфических тенденций, закономерностей на деривационном уровне у слов этой части речи, выявить которые возможно только в процессе сопоставления языков.

Как показал исследованный материал, данным способом в русском и белорусском языках образуются *местоименные наречия*¹ со значением неопределенности признака, на который указывает мотивирующее слово. Следует подчеркнуть, что эти лексемы стали рассматриваться как

¹ В русском языке среди местоимений как разряда указательных слов выделяются собственно местоимения, т.е. слова – заместители имен (существительных, прилагательных и количественных числительных), и *местоименные наречия* [4, с. 531]. Эту же мысль высказывают и авторы «Кароткай граматыкі беларускай мовы»: все местоименные слова по признаку формальной принадлежности к определенной части речи делятся на четыре группы в зависимости от того, на что они указывают – на предмет, личность, признак, количество (число) или обстоятельство: 1) местоимения-существительные, 2) местоимения-прилагательные, 3) местоимения-числительные и 4) м е с т о и м е н и я н а р е ч и я [5, с. 288–289].

постфиксальные образования сравнительно недавно. Поскольку исторически в близкородственных языках не выделялась конкретная группа постфиксальных наречий, этим, на наш взгляд, обусловлено отсутствие единства мнений по поводу их образования: одни исследователи (например, М. Г. Булахов, В. И. Кодухов, В. В. Аниченко, Н. И. Гурский) классифицируют их как наречия, образовавшиеся из сочетаний первичных *местоименных* элементов с *предлогами* и *частицами* [6, с. 151; 7, с. 122; 8, с. 244], другие (например, П. П. Шуба) считают их *отместоименными наречиями суффиксального образования*, сохраняющими соотносительность с падежными формами [9, с. 67–71].

В ходе анализа было установлено, что в образовании постфиксальных местоименных наречий в близкородственных языках наблюдаются существенные различия. Для того чтобы показать имеющиеся несовпадения в словообразовательной структуре указанных выше русских и белорусских единиц, а также уточнить их современный статус как постфиксальных лексем, необходимо краткий экскурс в историю их образования.

1. В русском языке отмечается группа местоименных наречий, образованных при помощи постфикса *-то* (например, *где-то, куда-то, почему-то, туда-то*)². Они употребляются для выражения полной неопределенности. «Значение неопределенности могли выражать только древние местоименные наречия, образовавшиеся от вопросительной основы *къ* и неопределенно-указательной местоименной основы *инь*» [10, с. 207]. В современном русском языке это достигается прибавлением некоторых частиц, например: *когда-то, куда-нибудь, где-либо* и т.п. Однако следует заметить, что в разные периоды существования русского языка неопределенность выражалась по-разному. Например, значение неопределенности еще в древности могло быть выражено присоединением к наречию указательных местоимений, прежде всего местоимения *сь*. Но такой способ выражения неопределенности не получил распространения в русском языке. Принимая во внимание тот факт, что образование неопределенных местоименных форм при помощи *-то* свойственно только русскому языку, можно считать, что введение в неопределенную форму *то* вместо *сь* – явление позднее, связанное с утратой русским языком местоимения *сь*. По словам А. К. Коневецкого, «самые ранние и довольно редкие случаи употребления наречных форм с *-то* отмечаются с XIII – XIV вв., регулярно же они встречаются лишь с конца XVIII в. <...> С начала XIX в. формы с *-то* (*когда-то, где-то, куда-то, как-то*) начинают шире проникать в письменный язык. <...> Позже формы на *-то* окончательно утрачивают оттенок просторечия. Полное утверждение в литературном языке форм на *-то*, выражающих 2-ю степень неопределенности³, окончательно осуществляется только во второй половине XIX в.» [10, с. 209–210].

В качестве эквивалентов русских местоименных наречий с *-то* выступают белорусские образования с постфиксами *-сьці, -сь* (*где-то / дзесьці; зачем-то / чাগосьці, чагось, наштосьці, наштось; когда-то / калісьці, калісь; почему-то / чамусьці, чамусь*), а также с префиксом *не-* (*где-то / недзе; зачем-то / нечага; как-то / неяк, нейк; когда-то / некалі*). В современном белорусском языке, в отличие от русского, сохранился способ выражения неопределенности путем присоединения к наречию указательных местоимений, в данном случае древнерусского по происхождению местоимения *сь*.

² По данным «Словаря современного русского литературного языка»: в 17 т. (М.-Л., 1950–1965), наречие *где-то* зафиксировано в «Словаре церковно-славянского и русского языков» (СПб., 1847); наречие *когда-то* – в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1911), а также в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1865), где передавалось сочетанием двух самостоятельных слов *когда то*; наречия *откуда-то* и *отчего-то* – в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1938).

³ Следует добавить, что А. К. Коневецкий выделяет три степени неопределенности в современном русском литературном языке: первая степень неопределенности, когда наличие признака неизвестно и неопределенно и для говорящего, и для слушающего, выражается присоединением к наречиям частиц *-нибудь* и *-либо*; у форм с *-либо* проявляется стилистическая ограниченность; вторая степень неопределенности, когда признак реально существует, но он неизвестен для говорящего, выражается наречиями, осложненными частицей *-то*; третья степень неопределенности, когда признак известен говорящему, но неизвестен собеседнику, выражается при помощи частицы *кое-* [10, с. 211].

2. Русские наречия с постфиксом **-нибудь** (например, *где-нибудь, как-нибудь, откуда-нибудь*)⁴ употребляются для выражения максимальной неопределенности в тех случаях, когда она распространяется не только на предмет речи, но и на факт его существования [11, с. 229]. Надо заметить, что в современном русском языке разные оттенки неопределенности наречным формам от древнерусской основы на **къ** могут придавать отдельные слова (*куда бы ни, как бы то ни было, неизвестно где [къде], неведомо куда* и др.) и даже целые выражения (*где [къде] угодно, бог знает когда, куда попало, черт знает где [къде], как хочешь* и др.). В русских письменных памятниках подобного рода конструкции встречаются с того времени, как в письменный язык стали широко проникать элементы разговорной речи⁵, напр.: **Гдѣ** ни буди, **всѣ** безъ **вывѣта** (Купчая XV в.); *Та трава чирьи тушить, гдѣ они на телѣ ни буди* (Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина [Булева], 1534 г.); *А в гору межа до Нагорной межи, или где ни будет тых сел земле и пожни на Ваге* (Грамота Польского короля Казимира IV Московскому митрополиту Ионѣ 1451 г. (въ списокѣ)); *Платья всякое ... свертев хорошенько, положити где ни буди: в сундук или коробью* (Домострой по списку ОИДР. Предисл. И. Е. Забелина // Чт. ОИДР, 1881). Со временем происходит преобразование некоторых конструкций, что приводит к становлению в русском языке новых средств для выражения неопределенности. В отдельных случаях такие придаточные предложения, каковыми в сущности являются данные конструкции, путем абстрагирования лексического значения и грамматической определенности преобразуются в одно слово. В частности, достаточно рано преимущественное употребление получила конструкция с глаголом *быти* в повелительном наклонении: *где ни буди, куда ни буди*⁶ и т.п. Подобные конструкции встречаются в письменном языке с начала XIV в., а с XVI в. отмечаются конструкции без конечного *и – ни будь*. К концу XVII в. *ни буди* окончательно вытесняется одним словом **нибудь**, которое к этому времени превращается в словообразовательную морфему, образующую при соединении с наречиями формы со значением неопределенности 1-й степени: *где-нибудь, куда-нибудь, когда-нибудь, как-нибудь*, например: *Лучитца с кѣм брань гдѣ нибудь* (Послание к сыну Анфиму прот. Сильвестра // Чт. ОИДР, 1908).

В современном белорусском языке эквивалентами названных русских постфиксальных наречий являются образования с таким же постфиксом **-небудзь**⁷ (с ударением на первом слоге в соответствии с фонетическими принципами белорусского языка) (например, *где-нибудь / дзе-небудзь, как-нибудь / як-небудзь, откуда-нибудь / адкуль-небудзь, отчего-нибудь / чаго-небудзь*⁸, *сколько-нибудь / колькі-небудзь*), а также с префиксами **не-** и **абы-** (*как-нибудь / неяк, нейк, абы-як*).

3. В современном русском языке местоименные наречия с постфиксом **-либо** (*где-либо, куда-либо, как-либо*) реализуют то же значение, что и наречия с постфиксом **-нибудь**: выражают максимальную неопределенность в тех случаях, когда она распространяется не только на предмет, но и на факт его существования. Образования с **-либо** употребляются преимущественно в книж-

⁴ По данным «Словаря современного русского литературного языка»: в 17 т. (М.-Л., 1950–1965), наречие *где-нибудь* зафиксировано в словаре Ф. Поликарпова «Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище» (М., 1704); наречие *когда-нибудь* – в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1911), а также в «Русском с немецким и французским переводом словаря, сочиненном Иваном Нордстетом» (СПб., 1780), где данное наречие передается сочетанием из двух самостоятельных слов *когда нибудь; как-нибудь* – в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1792) и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1934); наречия *откуда-нибудь и отчего-нибудь* – в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1938).

⁵ Здесь и далее примеры приводятся из следующих источников: Словарь русского языка XI – XVII вв. / гл. ред. В. Б. Крысько; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Вып. 27: (*Спасъ–Старицынъ*). – М.: Наука, 2006; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I – III. – СПб., 1893–1912.

⁶ Согласно данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, **ни** – отрицательная частица, употребляемая после местоимений и наречий в обобщающем значении: *кто-нибудь, что-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь* (с. 71). Древнерусское **ни** могло означать «чем» [12, с. 71–72].

⁷ Известный белорусский лингвист П. П. Шуба относил постфиксы **-сь, -сьці** и **-небудзь** к разряду неопределенных частиц, с которыми, по словам ученого, легко могли соединяться местоименные наречия [9, с. 69, 101].

⁸ Относительно происхождения самой основы белорусского наречия **чаго** П. П. Шуба отмечал: «... В современном белорусском языке существует <...> небольшая группа местоименных наречий, соотносимых с формами родительного беспредложного. Это – наречие *чаго* (*чагось, чагосьці, чаго-небудзь*), а также разговорные *таго, гэтага*. Морфеме **-аго (-ага)**, которая генетически является окончанием форм родительного падежа, здесь можно считать наречным суффиксом» [9, с. 67].

ной, научной и публицистической речи. Постфикс **-либо** является результатом исторического преобразования (*любо >либо*)⁹. Краткая форма прилагательного *любый* – *любо* встречается в текстах памятников древнерусской литературы уже в XI в., например: *Оже который купецъ, шьдъ где любо съ чюжими кунами, и истопитъся... то не насилити ему, ни продати его* (Правда Русская. I. Тексты / под ред. Б. Д. Грекова. М.-Л., 1940); *Къ горѣ же молѣтсѣ зърашите, тѣмъ же кѣде любо соуть къ горѣ молѣтсѣ, иже отъ вѣстока на западѣ обраштитесѣ* (Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. С греческими и латинскими текстами / с предисл. Е. В. Барсова // Чт. ОИДР, 1882).

Форма *либо* постепенно начинает вытеснять форму *любо*; она фиксируется в текстах памятников XIII в., однако на протяжении XIV – XVII вв. встречается еще нечасто. Со временем *либо* все больше начинает осознаваться как словообразовательный элемент, образующий наречные формы со значением неопределенности 1-й степени. Окончательное закрепление в языке форм с *-либо* (*где-либо*, *куда-либо*, *когда-либо*, *как-либо*) происходит в XVIII в., хотя они употребляются не так широко, как формы с *-нибудь*. Для XIX в. формы с *-либо* обычны, в XX в. они, в сравнении с формами на *-нибудь*, воспринимаются несколько книжными¹⁰ [10, с. 210–211].

В белорусском языке древнерусская морфема *-либо* не сохранилась. Потребность в выражении одинакового значения осуществляется в нем при помощи постфикса *-небудзь*, например: *где-либо* / *дзе-небудзь*¹¹; *как-либо* / *як-небудзь*, *когда-либо* / *калі-небудзь*¹², *куда-либо* / *куды-небудзь*; *откуда-либо* / *адкуль-небудзь* и др.

Отличия в словообразовательной структуре коррелятивных постфиксальных наречий в близкородственных языках отражены в таблице.

Как в русском, так и в белорусском языках все типы постфиксальных местоименных наречий со значением неопределенности оказались непродуктивными.

Несовпадения в словообразовательной структуре коррелятивных постфиксальных русских и белорусских наречий

Часть речи	Словообразовательные аффиксы в русском языке / в белорусском языке	Примеры
Местоименное наречие	-то / не-	где-то / недзе; зачем-то / нечага; как-то / неяк, нейк; когда-то / некалі
	-нибудь / не-	как-нибудь / неяк, нейк
	-нибудь / абы-	как-нибудь / абы-як

Таким образом, исследованный фактический материал показал, что коррелятивные постфиксальные местоименные наречия в современных близкородственных языках образуются в основном при помощи разных словообразовательных формантов. При этом в качестве эквивалентов русских постфиксальных наречий в белорусском языке могут выступать префиксальные лексические

⁹ Согласно «Словарю русского языка XI – XVII вв.», лексема *либо* выступала как в качестве союза (*Готовъ показати ясно, либо и въ подъячихъ тамо быть, но благородия Шуйскихъ книжитъ* [так в изд.] *не лишень есмь*. Пис. самозванца, 161. 1650 г.), так и в качестве частицы (*Аще кого либо обьиметь*. Григ. пап. XIII в.) [13, с. 231].

¹⁰ По данным «Словаря современного русского литературного языка»: в 17 т. (М.-Л., 1950–1965), наречие *где-либо* зафиксировано в словаре Поликарпова Ф. «Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище» (М., 1704); наречие *когда-либо* – в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1911), а также в «Новом российско-французско-немецком словаре» И. Гейма (М., 1799, ч. I, А–К), где передавалось сочетанием двух самостоятельных слов *когда либо*; наречие *как-либо* – в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Академии Наук» (СПб., 1895); наречия *откуда-либо* и *отчего-либо* – в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1938).

¹¹ В текстах памятников старобелорусской письменности с этим значением встречаются сложные отместоименные наречия с другой частью *кольве* и *кольвекъ* (как разновидность неопределенных наречий) – *гдекольве*, *гдекольвекъ*, *гдежкольвекъ* с очевидными признаками польского влияния. Данные лексемы зафиксированы и в «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» [14, т. 6, с. 266–267]. В дальнейшем эти формы в белорусском языке были утрачены. На современном этапе вместо указанных дериватов употребляются отыменные постфиксальные наречия *дзе-небудзь*, *куды-небудзь* [15, с. 274].

¹² Современное белорусское наречие *калі-небудзь* передавалось бесприставочным *коли* с неопределенным значением, преобладающим в большинстве памятников старобелорусской письменности разных жанров, включая и религиозные, с самого раннего периода [15, с. 283].

единицы, напр.: рус. *где-то* / бел. *недзе*; рус. *зачем-то* / бел. *нечага*; рус. *когда-то* / бел. *некалі*.
Случаи образования местоименных русских и белорусских наречий при помощи идентичных морфем единичны, напр.: рус. *где-нибудь* / бел. *дзе-небудзь*, рус. *как-нибудь* / бел. *як-небудзь*, рус. *откуда-нибудь* / бел. *адкуль-небудзь*. Такое несоответствие в образовании русских и белорусских местоименных наречий обусловлено сложными историческими процессами возникновения и становления дериватов данного типа в близкородственных восточнославянских языках.

Сокращения

Григ. пап. XIII в. – Бесѣды папы Григорія; выписки из рукописи Русского письма XIII в. Имп. публичной библ. (*Др. пам., изд. I-е, стр. 237*) и из рукописи Югославянского письма (сдѣланныя П. И. Прейсомъ).

Пис. самозванца, 161. 1650 г. – Письмо самозванца Тимошки Акиндинова к дворянину Василию Унковскому, приехавшему в Чигирин послом от царя к гетману Богдану Хмельницкому в 1650 году // *Летописи русской лит-ры и древности*, изд. Н. Тихонравовым. М., 1859. Т. 1. Отд. III. С. 160–161.

Чт. ОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских.

Литература

1. Современный русский язык / под ред. Н.С. Волгиной: учеб. для вузов. – 6-е изд. перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
3. *Плотнікаў, Б.А.* Беларуская мова. Лінгвістычны кампендыум / Б.А. Плотнікаў, Л.А. Антанюк. – Мінск: Інтэрпрэссэрвіс, Кніжны Дом, 2003. – 672 с.
4. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфонология. – 783 с.
5. Кароткая граматыка беларускай мовы: у 2 ч. – Ч. 1: Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія / навук. рэд. А.А. Лукашанец. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 351 с.
6. *Булахов, М.Г.* Восточнославянские языки: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / М.Г. Булахов, М.А. Жовтобрюх, В.И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1987. – 304 с.
7. *Анічэнка, У.В.* Марфалогія ўсходнеславянскіх моў. Назоўнік. Дзеяслоў. Прыслоўе / У.В. Анічэнка. – Мінск: Вышэйшая школа, 1973. – 128 с.
8. *Гурскі, М.І.* Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў. Фанетыка і марфалогія. Падручнік для студэнтаў пед. ін-таў / М.І. Гурскі. – Мінск: Дзярж. вучэб.-пед. выд-ва М-ва асветы БССР, 1962. – 248 с.
9. *Шуба, П.П.* Прыслоўе ў беларускай мове / П.П. Шуба. – Мінск, 1962. – 194 с.
10. *Коневецкий, А.К.* Историческая грамматика русского языка: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «русский язык и литература в национальной школе» / М-во нар. образования ЛитССР / А.К. Коневецкий. – Вильнюс: Мокслас, 1989. – 280 с.
11. *Франчук, В.Ю.* Морфологический параллелизм в системе восточнославянских неопределенных местоимений и наречий / В.Ю. Франчук // *Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками: Тез. докл. и сообщ.* – Симферополь, 1973. – 308 с.
12. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. III. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1971. – 827 с.
13. Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 8. – М.: Наука, 1981.
14. *Гістарычны слоўнік беларускай мовы.* – Вып. 6: Выострэный – Глядаты / склад. Р. С. Гамзовіч, Н. Ц. Кажура, І.І. Крамко [і інш.]; рэд. А.М. Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 303 с.
15. *Мова беларускай пісьменнасці XIV – XVIII стст.* / А.М. Булыка, А.І. Жураўскі, І. І. Крамко, У.М. Свяжынскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1988. – 319 с.

I. V. ELYNTSEVA

POSTFIXAL WORD-FORMATION OF ADVERBS IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES: COMMON POINT AND SPECIFICS

Summary

Article is devoted to comparative studies of derivation of postfixal adverbs formed from pronouns in the Russian and Belarusian literary languages at the present stage of their functioning.

Both for detection of discrepancies in word-formation structure of these units in closely related languages and specification of their modern status as postfixal lexemes, a short excursus to the history of their formation has been carried out in the article.